

Глава 4

Книга оказалась определенно не настолько плохой, как ужасы настоящей войны, но если бы Рою когда-нибудь пришлось назвать что-то близкое к этому, она стала бы первой, что пришло ему на ум. Несмотря на то, что раздел, описывающий крестражи, был четко обозначен (и, конечно, для их создания требовалось убить кого-то, ведь все отвратительные вещи требовали жертвовать жизнями), Рой решил просмотреть остальное содержимое, ведь там может быть что-то полезное.

Единственной причиной, по которой он вообще дочитал книгу, притом почти не останавливаясь, была смесь упрямства и привычка делать то, чего он, честно говоря, делать не хотел.

К тому времени, как он закончил, за окнами замка уже стемнело.

- Как вы себя чувствуете? - Рой посмотрел на Дамблдора, который работал с кучей бумаг (скорее пергамента, потому что само понятие бумаги, похоже, ускользало от этих людей), пока Рой читал и делал несколько заметок в своем блокноте.

Черт.

- Как будто только что окунулся в худшую сторону человечества.

Дамблдор что-то пробормотал и на мгновение выглянул наружу.

- Уже поздно. Хотите остаться на ужин? У нас есть несколько замечательных иностранных блюд, помимо обычных, которые всегда подаются в школе.

Рой почти отказался от предложения, его желудок казался совершенно не готовым к еде, но передумал. Возможно, окружение живыми людьми, включая сотни шумных детей, окажется хорошим способом развеять тошнотворное чувство, ползшее по нему.

- Я был бы признателен, - сказал он вместо этого, вставая.

Он отнес книгу Дамблдору, который, не теряя времени, вернул ее на место, и они оба направились к двери и спускающейся каменной лестнице.

- Я тут подумал, мистер Мустанг, - начал Дамблдор.

- Рой, - поправил Рой. Потому что если они собирались работать вместе, то могли бы обойтись и без «мистеров». Рой никогда не чувствовал себя комфортно, будучи «мистером Мустангом». Полковником или каким-то другим званием он обладал в прошлом, а просто «Мустангом» его называли определенные люди, например Оливия Армстронг, даже привычное «придунок» Эдварда казалось нормальным. Но «мистер Мустанг» всегда вызывало у него странные чувства.

- Тогда Рой. Можешь называть меня Альбусом, - предложил Дамблдор. - Скажи мне, как алхимик, ты углублялся в область массивов?

Рой усмехнулся. Он не мог сдержаться.

- Массивы - суть алхимии. Может быть, пятьсот лет назад все было иначе, но сейчас можно найти большинство других направлений алхимии, отраженных в маггловских науках, в

основном в химии. Единственное отличие в том, что магглы не знают столько веществ, сколько волшебники, – или, по крайней мере, так думают волшебники. Из того, что он читал в некоторых маггловских книгах (потому что он не смог устоять и не заглянуть туда, особенно после слишком разочаровывающего прочтения той или иной магической книги), магглы также знали изрядное количество элементов, о которых волшебники, казалось, не догадывались. Тем не менее, независимо от их взгляда на ценность магглов, большинство волшебников, похоже, сходились во мнении, что магглы каким-то образом отстают от них практически во всех областях. Даже большая часть сторонников магглов видела в них странных, милых людей, пытающихся пробраться через сложную жизнь без магии.

– Правда? Признаюсь, я не особо интересуюсь маггловской наукой. Возможно, стоит это исправить, – размышлял Дамблдор.

– Это достаточно интересно, – неопределенно предложил Рой, потому что ему эта тема казалась более чем интересной. Он увидел достаточно, чтобы понять, что некоторые области в этом мире действительно продвинуты, и только напоминание о том, что он хочет вернуться домой как можно скорее, помешало ему застрять в библиотеке на столько времени, сколько бы ему потребовалось для прочтения всего интересного. Он, возможно, не такой книжный червь, как некоторые люди, или не отдает на чтение много времени в своей повседневной жизни, но он все равно любил узнавать новое. – И да, я работаю с массивами, это всегда было моим основным направлением в алхимии.

С этого момента они начали гораздо более непринужденную беседу, чем раньше. Судя по всему, Дамблдор не слишком углублялся в массивы, потому что Фламелль их не любил. Рой подозревал, что это связано с Камнем, но промолчал. Рой упомянул некоторые массивы, базовые и в основном безопасные, если только у алхимика нет навыков и силы, необходимых, чтобы проверить с ними что-то необычное.

В конце концов они достигли первого этажа, и шум, доносившийся из места, которое Альбус назвал Большим залом, можно было услышать даже с лестницы. Большой зал, как оказалось, был назван очень удачно, поскольку это была огромная комната с высоким потолком – который открывал вид на небо снаружи – вмещающая четыре длинных стола, полных студентов, а также пятый стол на противоположном конце от входа, где сидела группа взрослых, которые могли быть только персоналом школы.

Они привлекли к себе много взглядов, пока шли между двумя центральными столами. Рой делал вид, что не обращает на них внимания (хотя он был готов отреагировать в любой момент), продолжая разговор с Альбусом. Оказавшись за главным столом, Рой едва не приподнял бровь, когда понял, что единственное свободное место, помимо нелепого тронобразного кресла, которое, несомненно, предназначалось для Альбуса, было прямо рядом с этим креслом. Между ним и суровой женщиной, которой с виду можно было дать лет шестьдесят. Если это совпадение, Рой съест свои перчатки.

Он задавался вопросом, когда именно Альбус решил, что Рой останется на ужин, чтобы организовать это.

– Надеюсь, ты не против, Минерва, – обратился Альбус к женщине. – Мы с Роем увлеклись нашей встречей, и я пригласил его остаться на ужин. У нас весьма увлекательная беседа, – его глаза снова заблестели (Рой начал задаваться вопросом, не заклинание ли это, усиливающее ощущение беззаботного настроения или что-то в этом роде), и он быстро представил Роя и персонал (и глав двух приезжих школ). Слишком много странных имен, но Рой убедился, что запомнил их все, и проявил свое лучшее некокетливое обаятельное поведение. Хагрид был рад

его видеть и прокомментировал, что он был изначально уверен, что Альбус поможет с его проектом. Грюм бросил на него недоверчивый взгляд своим жутким магическим глазом. Всеобщее любопытство вспыхнуло, когда Альбус упомянул, что Рой – алхимик. В ходе еды у Роя сложилось впечатление, что волшебники считают алхимию забавным волшебством. И безобидным, судя по вопросам, которые ему задавали.

Он не исправил их.

Что касается учеников, то среди них скрытность не была распространённым навыком.

Доверить Рою Мустангу информацию о крестражах Тома было рискованным шагом, и Альбус не знал, не пожалеет ли после.

Альбус был заинтригован, когда получил письмо относительно Тома. Конечно, он оставался обеспокоен, потому что все связанное с Томом беспокоило его, но все старые последователи Волдеморта были либо мертвы, либо заключены в тюрьму, из-за чего интрига перевесила беспокойство в его разуме.

Он никогда раньше не слышал имени Рой Мустанг и перед встречей попросил друзей в Министерстве магии посмотреть, что они могут о нем узнать. Они ничего не нашли. Кем бы ни был Рой Мустанг, никаких документов о нем нигде не было. Странно, но, к сожалению, все еще не слышанно, ведь некоторые волшебники отказывались регистрировать даже свидетельство о рождении в Министерстве. Визенгамот пытался принять закон по этому вопросу уже несколько десятилетий, но так и не добился успеха, потому что разные фракции не могли договориться о конкретных аспектах, которые должен был охватывать закон.

Таким образом, Альбус отправился на встречу, не имея ни малейшего представления о том, что его ждет. Конечно, у него было несколько собственных предположений, но привлекательный, возможно, иностранный молодой человек, который вошел в его кабинет с легкой и вежливой улыбкой, среди них не оказался. С первого взгляда Альбус не смог сопоставить возможную связь между Томом и Роем.

Альбус не был дураком. Он сразу заметил, насколько острыми были глаза Роя, как он, казалось, все замечал. И, несмотря на то, что палочка Роя все время была на виду у него на поясе, и он держал руки сцепленными на коленях большую часть первой части их встречи (поза, которая не позволяла быстро вытащить ее), часть разума Альбуса была уверена, что Рой был готов вступить в действие, если бы счел это необходимым.

Рой был загадкой с любого ракурса, с которого Альбус смотрел на него. У Альбуса есть сомнительная, но, к сожалению, необходимая привычка прощупывать разумы людей, намерения которых он не знал. Он делал это осторожно, конечно, он не хотел причинить никакого вреда или привлечь внимание к своему вторжению. Когда он прощупал разум Роя, Альбус оказался в огромном море белизны без заметного пути вглубь разума Роя. Он отступил, не в силах продвинуться, не выдав себя. Окклюменционный щит был неудобством, но не неожиданностью. Он просто подтвердил для Альбуса, что Рою есть что скрывать (Альбус ожидал этого от того, кто ищет Тома). Но Рой не знал, кем стал Том, покинув Хогвартс, это было очевидно по его реакции (потому что, каким бы хорошим актером он ни был, были определенные элементы языка тела, которые невозможно подделать).

Затем Рой спросил о философском камне.

Это несколько шокировало волшебника. Многие спрашивали Альбуса о Философском Камне на протяжении огромного количества лет, но никто не делал этого так, как Рой. У Альбуса не было сомнений, что Рой спрашивал не потому, что хотел узнать секрет Камня. Он знал, и он хотел узнать, знает ли Альбус тоже. Наблюдая за встречей снова в своем Омуте Памяти, Альбус понял то, что упустил в своем первоначальном шоке: если бы он сказал, что создаст Камень, он не сомневался, что Рой вышел бы из кабинета, несмотря на явную нужду в помощи Альбуса.

И был самый загадочный факт из всех.

Человеческая трансмутация.

В отличие от большинства людей, Альбус знал, что трансмутация человека была реальной еще до встречи с Роем. Николас сказал ему об этом, сопровождая предупреждением никогда и ни при каких обстоятельствах не пытаться ее совершить. Оставив в стороне моральные дилеммы и темные магические последствия, Альбус знал, что не все, кто исследовал трансмутацию человека, были темными волшебниками. Это была главная причина, по которой он был готов продолжить свой разговор с Роем после того, как Рой признался, что выполнил ее. Хотя было много темных применений трансмутации человека (Альбус прежде не думал, что крестражи могут быть связаны с ней, но это может иметь свой извращенный смысл), он знал, что также есть люди, которые исследовали ее из отчаяния и любви. Чтобы вернуть умершего человека или даже спасти умирающего.

В истории не зафиксировано ни одного успешного случая человеческой трансмутации. Было известно так мало попыток ее осуществить, что человеческая трансмутация в основном считалась сумасшедшей идеей, наравне с верой в Дары Смерти. Иногда мир жестоко ошибался.

Как и обещал, Альбус просматривал записи Николаса с целью найти что-нибудь по этой теме. Николас защитил свои тексты от всей известной ему обнаруживающей магии, а также разработал собственное заклинание для быстрого поиска среди них, потому что записей было так много, что в противном случае на поиск ушли бы месяцы. Альбусу нужно было просто направить палочку на свиток пергамента или блокнот, выполнить невербальное заклинание и произнести слова, которые он искал. «Врата» и «Истина» были слишком распространенными словами, и поэтому Альбус искал напрямую «человеческую трансмутацию». Он нашёл несколько упоминаний об этом в исследовательских заметках Николаса (исследования, к счастью, никогда не были посвящены этой теме), но ничего полезного, и теперь он перешёл к большой коллекции дневников Николаса.

Дневник начала семнадцатого века загорелся желтым светом, что означало положительный результат, и страницы затрепетали, открываясь почти в конце тома. Альбус наклонился над ним, чтобы прочитать.

Николас знал многих алхимиков на протяжении многих лет и сотрудничал с теми, кого он находил достаточно интересными для совместных исследований. Сын одного из этих партнеров погиб в результате несчастного случая, и мужчина был одержим идеей вернуть его. Николас немного помогал с исследованиями, но не принимал участия в разработке самой теории человеческой трансмутации. В то время он никогда не сталкивался с практической человеческой трансмутацией, и ему было любопытно увидеть ее в действии. Партнер Николаса разработал то, что он назвал «идеальной формулой», с чем Николас согласился, увидев исследования этого человека. Николас отступил для наблюдения за ее применением. Когда свет от трансмутационного массива исчез, в центре круга появилось существо.

Деформированное, определенно не человекоподобное существо, стонущее от боли, корчась на земле. Николас обратил на это внимание только потом, потому что его внимание сразу же привлек его друг, который лежал на луже собственной крови без рук. Николас не смог спасти его с ограниченными медицинскими знаниями того времени, и он выслушал то, что описал как бред своего друга: он сказал Николасу никогда не пытаться сделать подобную трансмутацию, никогда не пересекать Врата, предупредил, что Истина накажет его. Николас отклонил сами слова как бессмысленные, но решил никогда не пытаться совершать эту трансмутацию сам и написал, что предупредит любого будущего партнера об этом.

Там, в записях, написанных неразборчивым почерком Николаса, Альбус нашел доказательство Истины слов Роя.

Рой сказал, что не так много людей выживают после человеческой трансмутации, но Альбус задался вопросом, какова жертва Роя, потому что тот не потерял ни одной части тела, насколько мог судить Альбус. Фактически, по словам Аластора, единственным видимым повреждением тела Роя был след от ожога на левом боку и два странных шрама на руках. Аластор не был уверен, как они могли появиться, но он сказал, что они выглядели так, будто кто-то ударил Роя ножом, хотя ножевая рана легко зажила бы, не оставив следа.

Не прошло и трех дней после встречи с Альбусом, но Рой все еще записывал все, что мог вспомнить о душах (он нарисовал массив, который привязал Альфонса к доспехам, и после нескольких проб и ошибок воспроизвел массив Барри, они могли оказаться полезными). В его окно постучалась сова. Единственными совами, к которым он привык, были те, что приносили «Ежедневный пророк» каждое утро, но она уже прибыла с абсолютно неинформативной газетой. Рой наложил свой теперь уже обычный ряд заклинаний обнаружения на очень возмущенную птицу, прежде чем принять письмо.

Сова улетела, бросив на него раздраженный взгляд.Рой,

Вчера вечером на территории школы произошел тревожный инцидент. Я считаю, что тебе следует прийти ко мне, чтобы обсудить события, произошедшие за последние несколько месяцев. Я боюсь, что Том может быть ближе к восстановлению своих сил, чем я ожидал. Пятница в 3 часа дня подойдет? Я пришлю кого-нибудь, чтобы забрать тебя из «Трех метел».

Альбус Дамблдор

PS: Я бы посоветовал тебе быть начеку, пока не окажешься внутри замка.

Рой нахмурился. Действительно, из-за разговора о крестражах и чтения Роем книги у них не было времени обсудить произошедшее за последнее время. Тем не менее, это казалось важными вещами, которые нужно осветить. И еще Рой не сомневался, что Альбус не хотел бы видеть ту книгу где-либо за пределами своего кабинета. Рой определенно не хотел бы.

Он потянулся за листом пергамента и написал свой ответ.Альбус,

Пошли Хагрида. Я не уверен, что Грюм не счел бы нужным попытаться допросить меня. У меня сложилось впечатление, что он думает, что я могу быть темным волшебником.

Сейчас самое время, я буду там.

Рой Мустанг

Рой почти написал, что если Грюм попытается что-то сделать, то Альбусу придется найти себе нового профессора, но была разница между уверенностью в своих навыках и предположением, что он может справиться с самым опасным мракоборцем с последней войны. На днях он намекнул, что не беззащитен, но мелкие детали, такие как огненная алхимия или другие боевые применения алхимии, он предпочитал держать при себе.

Поскольку возмущенная сова улетела, Рой был вынужден положить свой блокнот в карман и выйти из комнаты, чтобы пойти на почту. По крайней мере, он решил поработать над этим в комнате, а не идти в библиотеку, что сэкономило ему немного времени.

Подведем итоги: Гарри Поттер может заглянуть в разум Лорда Волан-де-Морта; люди исчезают, а правительство предпочитает спрятать свои головы в песок, а не пристально следить за событиями; наиболее вероятным подозреваемым, которого мог придумать Альбус с имеющейся в его распоряжении информацией, был Игорь Каркаров, человек, который продал часть нынешних жителей Азкабана и информацию о Пожирателях Смерти в обмен на свою свободу, который был в ужасе от возможности возвращения Волан-де-Морта и был недостаточно хорошим актером, чтобы подделать его; Темная Метка становилась все виднее с каждым днем. Что касается последней части информации, поскольку Альбусу не сообщил источник этих знаний, Рой настоял, чтобы Альбус рассказал ему, откуда он это знает. У Альбуса был бывший Пожиратель Смерти, работавший на него, который и сообщил ему об этом. Личность Пожирателя Смерти осталась тайной, но Рой решил, что узнает ее, когда начнется война.

Он подозревает, что это не займет много времени.

Что касается событий, которые привели его сюда? Барти Крауч, один из организаторов Турнира Трех Волшебников и судья, который не появлялся ни на чем уже несколько месяцев, показался вчера вечером на территории перед двумя чемпионами, не в своем уме, разговаривая с деревьями и умоляя увидеть Альбуса всякий раз, когда он ненадолго приходил в себя. Он, конечно, исчез за то время, которое потребовалось Гарри Поттеру, чтобы найти Альбуса и привести его к Краучу. И под исчезновением Рой подразумевал, что Виктор Крам, другой чемпион, был проклят в процессе.

- Он ведь мертв, да?

- Скорее всего. Мы пока не нашли его тело. Аластор работает над этим в свободное время.

- Есть ли какие-либо предположения, почему он мог стать целью?

- Не совсем, - устало признал Альбус. - В целом, во время войны или если бы это случилось, когда Пожиратели Смерти снова активизировались, тогда да, Барти был бы разумной целью. Он был главой Департамента магического правопорядка во время войны и принял все возможные меры, чтобы остановить Пожирателей Смерти, - что было хорошим эвфемизмом для обозначения безжалостности и принятия очень сомнительных решений. Имя Крауча всплывало во многих статьях, которые читал Рой. - Но я не знаю, как он мог бы быть полезен для возвращения Тома. Барти Крауч - один из немногих людей, о которых я могу сказать наверняка, что он никогда не станет ему помогать.

- А его состояние?

- Оно могло быть вызвано любым количеством заклинаний. Мы не узнаем этого без тела, а

может даже с ним.

Рой задумчиво бормотал, затем оглядел коллекцию портретов, притворяющихся спящими (он видел слишком много людей, делающих это, чтобы обмануться этим действием. Никто из них не храпел).

- Я все еще собираю всю имеющуюся у меня информацию, - сказал он наконец.

- Если тебе нужна какая-нибудь книга, ты можешь зайти в библиотеку, - предложил Альбус.

Рой чуть было не сказал, что для этого у него есть гигантский раздел Британской библиотеки, но замялся.

- Насколько велика библиотека?

- Самая большая во всей Великобритании, - сказал Альбус с понимающей улыбкой.

Скорее всего, он имел в виду магические исследования, но Альбус понятия не имел, насколько ограничены познания Роя в магии. Прямо сейчас у него практически не было знаний о том, как магия может влиять на душу, за исключением, к сожалению, создания крестражей. Хотя он подозревал, что Альбус убрал из библиотеки все книги, имеющие отношение к крестражам (в какой-то момент Рою придется до них добраться, он не сомневался, что все они рядом с первой книгой), могло быть что-то, что в сочетании с приличным объемом знаний по теме душ, который предоставили ему Врата, могло бы оказаться полезным.

Ему также следует освежить свои знания по биологии, на всякий случай. Тот комментарий доктора Нокса о поддельном теле, которое Рой создал несколько месяцев назад, все еще оставил обиду глубоко внутри.

- Если ты не возражаешь, я бы хотел кое-что уточнить.

- Конечно. Дай мне минутку, чтобы написать записку для мадам Пинс, иначе она выгонит тебя. Я включу Запретный раздел, но должен посоветовать тебе быть осторожнее с книгами оттуда. Некоторые из них прокляты.

Очаровательно.

Волшебники были слишком склонны к действиям без прочной теоретической основы. К такому выводу Рой пришел сразу, когда начал читать о магии. Это было досадно, ведь когда он что-то искал, ему приходилось продирааться через все спекулятивные тексты в поисках нужных ему фактов. Научная мысль не была очень важна в волшебном мире, как он выяснил: если что-то имело эффект, если что-то работало, очень немногие останавливались, чтобы задуматься о механике, стоящей за этим.

Было много литературы о душах и магии, связанной с ними, но Рой еще не сталкивался с чем-то правдоподобным, не говоря уже о серьезном или полезном для его исследований.

Определение правдоподобности у Роя было гораздо шире, чем у среднестатистического человека.

Это его второй день здесь. Официально он запросил доступ в библиотеку для гораздо более безобидного исследовательского проекта (Альбус договорился с Томом, владельцем Дырявого

котла, чтобы Рой мог попадать из задней комнаты Котла в кабинет Альбуса через камин), и он в той точке, когда ему нужно было представить реакцию разных знакомых людей на то, что он читал, чтобы не дать своему разуму сдаться. До сих пор Хавок и Брэда были совершенно бесполезны, потому что они были слишком заняты попытками не захлебнуться собственным смехом, Фьюри отважно пытался не отставать, хихикая, Фарман время от времени прерывал их, чтобы произнести речь о том, как уже проверенный факт доказывает ложность того или иного предположения. Ястребиный Глаз решила проявить к ним милосердие и перестала пытаться приказывать им вести себя подобающе (возможно, это как-то связано с тем, как ее губы дергались от страданий, которые она пытался скрыть, но не преуспевала в этом), а Эдвард пытался заставить Альфонса алхимическим путем удалить чернила с пяти особенно оскорбительных томов, чтобы «положить конец страданиям этих бедных книг». Рой почувствовал укол сожаления, когда понял, что представляемый им Альфонс был в доспехах, потому что он не видел его в облики человека, а описаний, которые ему дали, было недостаточно, чтобы представить его таковым. Рой решительно не думал о том, как Маэс будет мучить его всеми этими глупостями о родственных душах, о которых так любят поэтизировать некоторые авторы.

Когда Эдвард отказался от Альфонса и попытался убедить Роя, он решил, что хватит. Он закрыл просматриваемый им том, положил его в стопку «бесполезных» и потянулся за одной из книг по алхимии, которую он нашел, и которой не было в других посещенных им библиотеках. Он очень сомневался, что найдет что-либо по алхимии, связанной с душой, но, по крайней мере, книги по алхимии не пытались разрушить его мозг.

Гермиона уже давно нашла в библиотеке небольшой уголок, где стоял стол с четырьмя стульями, за которым она могла заниматься без помех столько, сколько хотела. Он находился глубоко в библиотеке, наполовину скрытый в секции маггловедения, за книжными шкафами с устаревшей коллекцией по истории и технологиями магглов, которую никто никогда не искал, потому что стандартная процедура в Хогвартсе была такова: если вы изучаете маггловедение и вам нужна какая-то информация, которой нет в учебнике, вы спрашиваете об этом одноклассника, который знал о магглах больше вас (или просто придумываете ответ).

Маггловедение было предметом, который редко брали по какой-либо другой причине, кроме как потому, что это был один из самых легких предметов для сдачи, и поэтому его секция в библиотеке была самой тихой и наименее посещаемой, за исключением Запретной секции. Вот почему Гермиона была так удивлена, когда она прошла мимо книжного шкафа с историей и обнаружила, что ее уголок занят.

Стол был чист, а четыре стула были выдвинуты со своих мест и теперь служили импровизированными столиками для книг, хотя книг на полу было больше, чем на стульях, и все они были расставлены вокруг темноволосого мужчины, сгорбившегося над большим и пыльным томом.

Она сразу узнала в нем неизвестного мужчину, который оживленно беседовал с профессором Дамблдором несколько дней назад (в школе все еще ходили слухи и домыслы о его личности. Большая часть женского населения считала, что он будет их профессором Защиты от Темных Искусств и займет должность профессора Грюма в следующем году). Глаза Гермионы автоматически метнулись к названию книги, и она с удивлением увидела, что это был сборник по алхимии. Раздел алхимии находился практически на другом конце библиотеки, что означало, что мужчина искал это место, так же, как и она на первом курсе.

Прежде чем она успела придумать вежливый способ привлечь его внимание, он поднял голову и его взгляд упал на нее (и, ладно, возможно, часть Гермионы могла понять, почему на днях во время ужина он всем так понравился). От ее лица его взгляд скользнул к стопке книг, которую она несла в руках.

- О, извини, это твое место? - спросил он, и на его лице появилась смущенная улыбка.

- А, да, да. Так и есть, - Гермиона прокляла себя за заикание, но ей не нравилось, когда ее заставляли врасплох, тем более, незнакомец. Она никогда не знала, как себя вести в таких обстоятельствах.

Он закрыл книгу, положил ее на стопку слева и сделал движение, чтобы встать. Гермиона сделала шаг вперед.

- Нет, подождите, - сказала она, прежде чем он успел сделать что-то большее, чем положить левую руку на ближайший стул для опоры. Он остановился и посмотрел на нее. - Я не собиралась вас выгонять, - ее глаза пробежались по разложенным книгам. Их было не меньше тридцати. - Это место достаточно велико для двоих. Не возражаете, если мы просто разделим его?

Он снова слегка улыбнулся, и, возможно, немного удивленно, откинулся назад.

- Думаю, мне следует освободить для тебя стул, - сказал он, поворачиваясь, чтобы убрать небольшую стопку книг со стула, ближайшего к Гермионе. Затем он подтолкнул его за ножки с правой стороны обратно в надлежащее положение.

- Спасибо, - сказала Гермиона, улыбнувшись, и пошла, чтобы положить свои книги на стол. - Почему вы на полу? - спросила она, любопытство взяло верх.

- Я считаю, что это больше подходит для исследований, и я могу двигаться, прежде чем у меня начнутся судороги, - как будто для демонстрации, он распрямил ноги и вытянул их вперед, опираясь спиной на ножку стула. - И не то чтобы эти стулья были очень удобными.

Верное утверждение, признала Гермиона, садясь. К креслам с жесткими спинками требовалось привыкнуть, и ее тело все еще протестовало, если она проводила в одном из них больше четырех часов, не разминаясь.

- Я Гермиона Грейнджер, ученица четвертого курса, - представилась она, потому что, если они собираются делить учебное пространство, то, по крайней мере, она могла бы быть вежливой.

- Рой Мустанг, алхимик.

- Алхимик? Как Николас Фламель? - если не считать профессора Дамблдора, с которым она общалась всего несколько раз, она никогда не встречала алхимика. Девушка читала об этом предмете еще на первом курсе, когда они обнаружили, что в школе есть Философский камень, но не более того.

- Я бы не сказал, что мы похожи, - ответил Мустанг, потирая затылок правой рукой.

Гермиона запоздало отругала себя. Сравнить алхимика с Николасом Фламельем - особенно того, кому с виду нет и тридцати - это, должно быть, то же самое, что сравнивать ученика в трансфигурации с профессором Дамблдором. Неприятно, как ей кажется.

- Что вы изучаете? - спросила она немного поспешно, стараясь избежать неловких моментов.

- Не столь уж и многое. Я пытаюсь понять, почему существуют различия между алхимией и всеми другими ветвями магии, - сказал он, беспомощно жестикулируя книгой, которую все еще держал в руке.

Различия? Она была в замешательстве, пока не вспомнила один из основных принципов алхимии.

- Вы имеете в виду эквивалентный обмен?

- Среди прочего, - признался он и наклонился вперед. - Знаешь ли ты, что алхимия не мешает в маггловских технологиям?

- Правда?! - спросила она, резко развернувшись на стуле, чтобы полностью его рассмотреть. Неспособность использовать магию вокруг электроприборов магглов была тем, чего она не ждала в будущем. Как бы она ни любила волшебный мир, было много областей, в которых магглы были более продвинуты (например, волшебники поработили домовых эльфов, чтобы те выполняли работу, которую посудомоечная или стиральная машина могли бы сделать гораздо более цивилизованным способом).

Мустанг кивнул.

- Да. Я не так давно починил телевизор с помощью алхимии.

- Починили...? - начала она спрашивать, потому что ее первые мысли в отношении алхимии всегда были о химических процессах из Средневековья. О. - С трансмутационным массивом? - спросила она, завороченно. Она, конечно, читала о них, но предполагалось, что их трудно использовать.

- Конечно, - кивнул Мустанг, как будто его оскорбляла мысль о том, что он не будет использовать массив.

- Могу ли я увидеть это? - спросила она, прежде чем ее мозг успел отфильтровать ее слова. Она почти поморщилась, потому что знала, как много людей считали ее любопытство неприятным, но Мустанг просто улыбнулся ей и кивнул.

Он вытащил кусок мела из внутреннего кармана халата и огляделся.

- Есть ли какая-то конкретная просьба?

Гермиона колебалась. Она не была знакома с массивами трансмутации, но знала, что они должны быть значительно более изнурительными, чем произнесение заклинания. Она тоже огляделась, ища что-то, что не казалось бы очень сложным. Идея пришла, когда она посмотрела на свои книги.

- Не могли бы вы сделать там кафедру? - она указала на противоположный конец стола от того места, где она сидела. Кафедра там позволила бы ей сверяться с книгой, не перемещая пергамент или не кладя его на саму книгу.

- Легко, - сказал он с улыбкой, в которой был оттенок самоуверенности. Скорее ухмылка, на самом деле.

Он встал, подошел к столу и быстро нарисовал на его поверхности массив трансмутации (Гермиона была немного впечатлена тем, как мало ему нужно было останавливаться, чтобы подумать об этом, и она не смогла распознать ничего, кроме символа дерева). Он положил пальцы на готовый массив, и он засветился, дерево на стороне, противоположной Гермионе, сжалось, после чего кафедра поднялась там, где указала Гермиона. Угол был как раз таким, чтобы она могла легко читать на нем книгу.

- Удивительно... - выдохнула она, когда свет исчез. Хотя она и могла преобразовать его магией, было что-то... Ну, магическое в наблюдении за такой трансмутацией. Это было прекрасно и завораживающе.

Мустанг освободил другой стул и сел, положив левую лодыжку на правое колено.

- Теперь, когда ты знаешь, в чем заключается мое исследование, что насчет твоего? Это не может быть материалом для занятий, - прокомментировал он и посмотрел на название книги, лежащей наверху стопки Гермионы. «Секреты информации: научитесь раскрывать правду, если они не хотят, чтобы вы ее знали».

Гермиона покраснела и от смущения прикрыла книгу руками.

- Это не то, чем кажется, - пробормотала она и, поняв, насколько инкриминирующим было это предложение, добавила: - Я не пытаюсь ни за кем шпионить. Просто... Вы знаете Риту Скитер?

- Репортер? - спросил Мустанг. - Она не производит серьезного впечатления.

Гермиона фыркнула. Это ещё мягко сказано.

- Именно. Ей запретили входить в замок в начале Турнира Трех Волшебников, и все же она умудрилась пробираться сюда весь год и узнавать то, что ей не следовало бы. И она не перестает писать эти ужасные статьи.

- И ты пытаешься узнать, как она это делает, - предположил Мустанг. - Ты говорила с Грюмом? Его глаз может быть полезен.

- Я спрашивала, но он ее не видел, - призналась Гермиона со вздохом. - Что бы она ни делала, это обманывает его глаз.

Мустанг что-то пробормотал и откинулся на спинку стула.

- Учитывая его репутацию, вполне логично, что она использовала что-то, что могло бы его обмануть... Тебе нужна помощь?

- А? - Гермиона моргнула, застигнутая врасплох, и посмотрела на кучу книг на полу. - А как насчет твоих исследований?

Мустанг драматично вздохнул.

- Боюсь, я нахожусь на той стадии, когда я сделаю с книгой что-то непростительное, если не отвлекусь от нее.

Гермиона не могла не улыбнуться. Она много раз испытывала это чувство в прошлом.

- Хорошо, вы можете мне помочь.

Он улыбнулся, и это была очень милая улыбка.

- Ты изучала глаз Грюма?

- Нет, я сосредоточилась на заклинаниях сокрытия. А что?

- Если ты узнаешь все, что он может обнаружить, то сможешь отбросить эти варианты и сосредоточиться на всем остальном.

- Верно! - Гермиона вскочила на ноги, уже размышляя, где она с большей вероятностью найдет информацию о магических глазах: в разделе исцеления или в общей информации. - Я сейчас вернусь! - объявила она и вышла из закутка. Девушка знала, что лучше не бегать в библиотеке. Продолжение следует

***Ну, вот и встреча Роя с первой частью Золотого Трио. Мне кажется, Гарри всегда первым встречает любого персонажа в кроссоверах (если это делают не трио в целом), поэтому я хотела попробовать другой подход.

Вот несколько заметок к этой главе, потому что я просто не могу удержаться.

О окклюментальном щите Роя: он даже не знает, что такое легилименция, но прохождение Врат дает кому-то автоматический непроницаемый щит. Какой смысл платить цену, если потом кто-то может прийти и просто вытащить все знания из разума без каких-либо последствий для себя? Истина гарантирует, что подобное невозможно, когда кто-то выживает после встречи.

Что касается возраста Роя, то ему тридцать (мой личный хэдканон - его день рождения в начале года; он родился в 1885 году, а Обещанный день был весной 1915 года), но в манге (в основном в конце томов) часто встречается шутка о том, что он выглядит моложе, и это отчасти объясняет, почему его не воспринимают всерьез. Люди здесь думают, что ему под 20. У него нет даже униформы, которая давала бы ему авторитет.

О том, что Дамблдор думает об отсутствии надлежащего реестра волшебников и ведьм: я решила, что это имеет смысл, потому что волшебный мир, похоже, представляет собой очень разбросанное сообщество с большим количеством подозрительных личностей, которые ценят свою конфиденциальность до такой степени, что многие адреса даже не известны (давайте не будем забывать о Фиделиусе, который даже не упоминается незаконным и в то же время не позволяет кому-либо найти нужное место). Я полагаю, что это происходит со времен охоты на ведьм, и эта же причина заставила их скрываться в первую очередь. Как следствие, я полагаю, многие люди ушли из поля зрения в попытке остаться в максимальной безопасности. В конце концов, Министерство начало собирать сообщество и объединяться, но это не может быть простым процессом, и было бы много противоборствующих сторон, что всегда усложняет ситуацию (плюс, не все были готовы принять авторитет Министерства, просто посмотрите на семью Гонт в 1920-х годах). Каждые пару лет у них возникают серьезные споры по этому поводу, но включение в свидетельство таких вещей, как, в частности, статус крови (особенно, если человек является гибридом), является одной из главных причин, по которой до сих пор не принят ни один закон.

И, конечно, есть еще тот факт, что Дамблдор считает Роя иностранцем, но не может определить его акцент, что еще больше усложняет поиск информации о нем, если таковая где-то есть.

Кстати, для любопытных, причина, по которой Фламель не любил массивы, была в неудавшейся человеческой трансмутации, свидетелем которой он стал, а не в Камне, как думает Рой. К тому

времени Фламель уже знал некоторые массивы и не перестал их использовать, но после этого события он стал с подозрением относиться к разработке новых.

У нас есть бусты! Будем рады, если вы присоединитесь: <https://boosty.to/rinf>

<http://tl.rulate.ru/book/119009/4788393>